

РЕВИЗОР ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ. НЕМАЯ СЦЕНА

Гастроли провинциального театра надежд
москвичей не оправдали

Ольга Богомолова

БОЛЬШИЕ гастроли нынче дороги и нерентабельны. На малых гастролях театр показывает один-два спектакля, которые, будучи вырваны и из контекста города, и из контекста репертуара, чаще всего оказываются далеко не самоценны. Идея больших гастролей как идея максимально полного представления репертуара, традиций и труппы театра сегодня — редкость. И в тот момент, когда в Москве афиша театра все меньше воспринимается как единое сюжетное репертуарное пространство, пестря беспорядочностью книжного развала, — гастроли Ярославского театра драмы имени Ф. Волкова на первый взгляд кажутся неплохо подобранной библиотекой.

Гастрольная афиша театра составлена почти идеально — русская классика представлена Гоголем и Островским, зарубежная — Шекспиром и Гольдони, современная драматургия — Горенштейном и неким Иржи Губачом. Внешне театр сохраняет абсолютное равновесие в соотношении комедий и трагедий, нерушимое достоинство культурных традиций, декларируя степенно-литературный подход к сценическому искусству. Издалека кажется — вот он, настоящий, цельный, полнокровный и полновесный театр, прорастающий из русской театральной провинции в «поповской» изломавшейся Москве. Гастроли так и открывались — словами о русской культуре, о русском духе, о традициях старейшего в России театра и спектаклем «Ревизор» в постановке главного режиссера театра Владимира Боголепова.

На деле традиции русского театра оказались в высшей степени странными. Не случайно на открытии вдруг вспомнились советские времена, когда гастроли в

Москве были и смотром, и экзаменом. Традиции «русского театра» обернулись традициями вполне советскими: «Ревизор» предстал спектаклем прежде всего малодушным, сделанным словно по книжке рекомендаций «в помощь художественной самостоятельности» с явной оглядкой на то, «кабы чего не вышло». Не дай Бог, кто-нибудь кого-нибудь узнает или подумает на другого. Не приведи Господь, чтобы возникли какие-нибудь ассоциации или аллюзии. Режиссер старательно вытравил любой намек на трактовку, интерпретацию, на мысль или чувство: он поставил «Ревизора», как второсортную французскую комедию, в которой, собственно говоря, и нет ничего, кроме анекдота. Он разыграл историю о том, как несколько недоумков — комических даунов, принимают другого недоумка за умного. Чтобы не томить публику процессом размышления, режиссер все решил сказать сразу: еще до того, как появился городничий, на сцену вышел Хлестаков с нервным рассказом о своем безденежье, а если в конце городничий говорит, что видит свиньи рыла, то зритель их должен видеть с самого начала спектакля. Ярославский театр поставил не столько «Ревизора», сколько инсценировал известную байку о «Ревизоре», когда городничий, выйдя на сцену, произнес: «К нам едет Хлестаков» — тем самым исчерпав сюжет пьесы.

Таким образом, спектакль начался и сразу кончился, актерам и режиссеру делать оказалось совершенно нечего: «Ревизор» предстал перед публикой месивом самых общих и исхоженных мест всех постановок «Ревизора», в котором действуют среднестатистические чиновники, среднестатистический Хлестаков, среднестатистические дамы, и ни у одного из них нет ни лица, ни характера. Спектакль едет по наезженной и разбитой колее — глупые чиновники и глупый

кривляка-Хлестаков, этаким фито, и все они боятся друг друга и заискивают друг перед другом. Мизансцены спектакля — обобщение всех мизансцен всех «Ревизоров»: если городничий собирает чиновников, то непременно за фронтально поставленным столом, где место городничего — посередине. Если появляются Бобчинский и Добчинский, то уж непременно говорят скороговоркой и наперебой. Если выбегают Анна Андреевна и Марья Антоновна, то сначала визжат и носятся по сцене, а потом глядят через линию рампы куда-то в зал, как будто на улицу. При этом режиссер всячески пытается оживить действие резкими жестами и звуками — Анна Андреевна носит с собой какой-то рожек, в который постоянно трубит, периодически в динамиках раздается странная музыка, сопровождаемая словесной абракадаброй, Хлестаков — якобы очень подвижный — беспрестанно и бессмысленно снует по сцене, выламывается и комикует. Единственная стильная и умная работа — исполнение роли Осипа — спокойное и степенное мошеника-педанта, который, как змея, совершает стремительные броски, сменяющиеся абсолютной неподвижностью наблюдателя.

Режиссер делает из актеров и персонажей ходячих кукол, в которых нет ничего живого — только механическое комикование и мизансценическая пустая суета. Это и есть материал спектакля — тот, которым режиссер набивает пьесу, как чуело, думая, что если вставить в глазницы две блестящие бузинки, то чуело будет как живое. Сегодня гастроли Ярославского театра напоминают какой-то странный затерянный мир, но, может быть, завтра театр все-таки захочет окунуться в многоголосье идей, мыслей и чувств и удивить не механическими манекенами, размалеванными гримом, а правдоподобием чувствований.